

ПУТЬ К ГАРМОНИИ

Завершил свои гастроли в Ташкенте Камчатский драматический театр. От встречи с этим коллективом остается двойственное ощущение. С одной стороны — чувство благодарности за возможность увидеть на сцене произведения, которые вовсе не ставятся, либо идут крайне редко.

Каждый спектакль, который довелось смотреть, имеет запоминающиеся актерские работы, отдельные удачные находки, эффектные приемы, но ни одному из них не хватает цельного впечатления, художественной завершенности.

«Лолита» по В. Набокову (режиссер М. Морейдо) и «Я стою у ресторана» по пьесе Э. Радзинского (режиссер В. Таратынов) схожи лирической темой. В одном случае — это страстная влюбленность сорокалетнего Хамберта в девочку-подростка Лолиту. В другом — талантливая актриса Нина не может обрести душевный покой после развода с мужем. Оба спектакля построены как актерские бенефисы исполнителей главных ролей.

М. Кашаев показывает любовь — затмение Хамберта. Любовь к юной «нимфетке» Лолите (Г. Ступакова) вытесняет из его души все другие чувства.

Представляется, первоначальный замысел постановки состоял в том, чтобы заострить нравственную проблему через судьбу, через иллюзии жизни окружающего Хамберта людей — в первую очередь это мать Лолиты (Е. Улыбина), служанка в их доме (Л. Исенова), друг их дома Илер (А. Вледний), находядо из которых эгоизм Хамберта подтолкнул в беду. Но воплотить замысел явно не удалось. Все эти исполнители используют для показа своих героев откровенно нарратурные краски, тан и не давая взглянуть в них ни-то чувства, переживания, кроме грубого выраженной сексуальной озабоченности. Лишь Г. Ступакова (Лолита) и В. Новиков (муж Лолиты) в одной из последних сцен спектакля этот замысел частично воплотили. Постаревший Хамберт размышляет вышедшую замуж, ожидающую ребенка Лолиту. Может быть, впервые в своей жизни он ищет сочувствия, хочет быть понятым, хочет, чтоб его услышали. Но муж Лолиты глуховат, а сама Лолита рада лишь деньгам, которые ей привез «папочка», и не желает вникать в его переживания. Внешняя фарсовая ситуация наполнилась в спектакле трагическим смыслом. Жаль, конечно, что удалось создать лишь один эпизод подобного звучания.

В спектакле по пьесе Э. Радзинского «Я стою у ресторана» Т. Дерезгузова сыграла самозабвенно любящую женщину, для которой неразделенное чувство лишено смысла и ценности. Весь первый акт героиня прогноривает-пересказывает свою жизнь: мы узнаем о ее первом муже Саше, о втором муже, о ее любовных похождениях, о пустоте душевной, о страданиях.

Весь второй акт Нина играет для Саши. Старается, вспоминая прошлое, возродить в нем былые чувства, вызвать отклик своим переживаниями. Саша пришел сюда забрать свои кроссовки, чувства, тем более сочувствие, ему не нужны. Боль одиночества, спасительность исповеди, потребность покаяния — это и многое другое сумела открыть нам в своей героине

Т. Дерезгузова. Ну а то, что в первом акте для нас она играла лучше, чем во втором акте для Саши, так это не только ее вина. Исполнитель роли Саши, он же и постановщик спектакля, В. Таратынов сделал своего героя слишком при-

большого, в то же время ироничного, мудрого садовника, сыгранного А. Кузнецовым, неповторимая личная судьба, только у него проявляется многомерность характера.

В спектакле по войновическому «Чонкину» принципиальная творческая удача — исполнение роли солдата Чонкина В. Новиковым. Многократно отмечалось, что Чонкин чем-то напоминает Швейка, чем-то — Теркина, есть у этого образа и более дальние «родственники» — Петрушка, Иван-дурак, Балда...

Как правильно, в спонтанях-

митивным. «Дача Сталина» по пьесе В. Губарева (режиссер О. Баглюков) и «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» по роману В. Войновича (режиссер В. Зверовичков) схожи сатирической тональностью.

Важное значение здесь имеет мистификация с появлением Сталина. Сам Сталин по сюжетам не появляется, в обоих случаях является лице-Сталин. Но производит эти лице-Сталины эффект, достойный своего образа. И в том, и в другом спонтане лице-Сталина сыграл А. Кузнецов. В «Даче» он играет старого садовника, служившего еще ЕМУ, получившего от НЕГО в подарок нител и фуражку. Нарядившись в них, появляется на даче и приводит в шок всю отдыхающую элиту.

В «Чонкине» А. Кузнецов играет старого садовника-еврея. Допрошенный и избитый в НКВД, он предъявляет паспорт, где ченисты с ужасом прочли: Сталин.

Тема мистического Сталина, думается, не случайно проходит через сатирические спектакли театра. Сталина нет, но сталинщина жива. Култ личности разоблачен, но рабская психология проявляется себя и наживается с огромными трудностями. Страх можно победить смехом, сынном свободой. В обоих спектаклях эпизоды с лице-Сталиным в исполнении А. Кузнецова помогают еще и еще раз осознать эти простые, но такие важные истины.

Пьеса В. Губарева практически не дает материала для создания глубоких, интересных характеров, ее текст — публицистика двух-трехлетней давности. Общее решение спектакля, как режиссерское, так и сценарграфическое, «передоверяет» основные выразительные средства актерам. А они вынуждены быть рупорами идей своих персонажей, не более. И только у старого,

инсценированных есть героинь-рассказчик, который ведет повествование от имени автора. Есть он и в «Чонкине». Детский голос читает текст Войновича, рассказывает об НКВД, о колхозах, о великом Сталине, о воинской части, где служит Чонкин... Театр заставляет глазами детей взглянуть на многие абсурдные стороны нашей прошлой и нынешней жизни. И сожалению, удачно найденный прием не получил в спектакле развития, и в финалу его звучание как-то сошло на нет.

Службу Чонкин нес исправно, но счастливо сочетал ее с любовью к колхознице Нюре (Г. Артемьева). У Нюры была иророва Красавна. Ее в спектакле замечательно играет Г. Ступакова. Эта роль без текста в который уже раз доказывает волшебную силу театра. У Чонкина с Красавной выстроилась целая система взаимоотношений. Театральная находка новому осветила одну из линий прозаического повествования.

И все же спектакль в целом получился слишком длинным, слишком прямолинейно-карикатурным. Это касается прежде всего тех сцен, где отсутствовал Чонкин, где делается попытка сатирически показать штаб армейского командования, колхозное собрание. Вместо сатиры — грубая, поверхностная карикатура, граничащая с гримасничеством.

В коллективе Камчатского драматического театра много талантливых, интересных актеров. Пожелание одно: ищите, воспитывайте режиссеров. Без них нет современного театра.

Ю. АЛЕКСАНДРОВ.

Преподаватель кафедры эстетики Ташкентского государственного технического университета.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля В. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина».

Фото С. КОГАН